

УДК 801

К.А. Жуков

**«ЖИВЫЕ, ГЛАСНЫЕ ПАМЯТНИКИ САМОРОДНОГО УМА».  
И.М. СНЕГИРЁВ КАК РОДОНАЧАЛЬНИК ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ**

*Гуманитарный институт НовГУ*

The analysis of paramiologicia ideas of a wonderful ethnographer of XIX century I.M. Snegirev, which are given in his work "Russians in their proverbs" is presented in this article.

Самобытным истолкователем народных речений — пословиц и поговорок — является Иван Михайлович Снегирёв, профессор римской словесности Московского университета. Его четырехтомный труд «Русские в своих пословицах» был издан в 1831 — 1834 гг. Само полное название этого обширного этнолингвистического описания свидетельствует о том, что это было глубокое научное исследование: «Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках». И.М. Снегирёв предпринял попытку осмыслить с научных позиций понятие «пословицы», выявить причины и обстоятельства возникновения пословиц в языке, проследить их связь с этнической культурой. Пословицы и поговорки он характеризовал как «живые, гласные памятники самородного ума», свободной фантазии и языка, подчеркивая их способность представлять в своей совокупности картину мира народа их создавшего: «Ежели язык составляет отличительную характеристику и физиогномию в человечестве, то как по словам, так и пословицам может различаться один народ от другого в естественных, умственных и нравственных отношениях» [1].

Указывая на происхождение слова «пословица», ученый отмечал, что «пословица» произошла от «слова», а «слово», в свою очередь созвучное со «слагоу» у славяно-русов, «искони по предпочтению имело столь важное и многообъемлющее значение, что служило у них законом, заветом, клятвою, условием и союзом мысли со словом и действием, как души с телом» [2]. Он считал, что «пословица», так же, как и «присловие», это «как бы основание слова и дела, подтверждение, последствие и сообразность с предметом речи, что изображает сложенный со словом предлог "по"». Исследователь обращается к древнему значению пословицы. Он приводит факты, доказывающие, что в XVI в. пословица означала областное выражение или провинциализм. В ряде случаев она воспринималась как оборот речи, — например, у Максима Грека: «Но и та пословица не по сущему переведется». Иногда слово «пословица» употреблялось в значении соглашения, условия и договора. В подтверждение Снегирёв приводит примеры из летописи: «Не беша пословицы Псковичем с Новгородци»; «А кто ти ся будет продан пословицею из Новоторжан в одернь (во владение, в крепость), тех ти отпустити». Он считает, что

в этом же смысле употреблялась иногда и *поговорка*, например: «Немцы прислаша на Псков святым словом, чтобы нашему послу добровольно приехать на поговорку», т. е. на мировую сделку» [3]. Устанавливая различие *пословицы и поговорки*, ученый видит его уже в самом происхождении. Первая произошла от «слова», а вторая — от «говора». Более глубокое отличие, полагает исследователь, состоит в том, что «“слово” отличает смысл и мысль, а “говором” означает проявление голоса, глаголение, голос без слов и не только человеческий, но и птичий, метафорически — говор листьев, волн, ветерков» [4].

По мнению Снегирёва, пословица — это общепотребительное мнение или мысль, скрытая, как правило, в фигурном облачении. При этом он отличает пословицу от *нравственного изречения*, представляющего истину и наставление без фигурного облачения. Он приводит пример. В его понимании *Береги денежку на черный день* — это пословица, а *Праздность — мать пороков* — нравственное изречение [5]. Пословица «назидает иносказательно, стороною, обиняками», а поговорка (нравственное изречение) «учит открыто, прямо и наго». Кроме пословицы и поговорки ученый характеризует поговорку как «присловицу» — удачный оборот речи или «меткое уподобление и счастливое сравнение»: *как снег на голову; как две капли воды*.

Характеризуя пословицы и поговорки, исследователь относит их к простонародному и «низкому» языку «по встречающимся иногда в них грубым, низким и странным выражениям». Вместе с тем ученый подчеркивает, что «многие из них бывают простыми, нежными, умильными, глубокими, высокими и светлыми выражениями духа, обращенного на самого себя и на окружающие его предметы». Отмечая необыкновенную силу воздействия пословиц, Снегирёв пишет: «По внутренней и внешней силе своей, по естественной краткости, стройности и быстроте выражения они роднятся и сердцем и умом и, ознакомясь с слухом, делают его верным проводником к тому и другому». По меткому наблюдению автора, к пословицам притягивает, делает их привлекательными «сама их особенность и причудливость».

В плане нашего исследования важным является вывод Снегирёва о том, что в образах пословиц «как в зеркале, видна русская природа и климат с их различиями, известные животные, деревья, реки и редко море...» [6]. «...Обратимся к различиям в русском народе, который в своих поговорках и пословицах высказывает сам себя живее и сильнее, нежели все описания посторонних наблюдателей, ибо в них он говорит о своём климате, о любимой и сродной ему пище, о естественных и нравственных наклонностях, происходящих от его телосложения и воспитания, говорит о нравах и нравственности своей» [7]. По сути дела, не употребляя понятия *картина мира*, Снегирёв говорит именно об этой важной функции пословиц — во всей их совокупности представлять национальное мировидение. Вот почему ученый считал необходимым изучать их «для основательного познания языка отечественного, ибо они почерпываются из глубин ононого, заключающихся в самом обосновании

ума и слова, как тонкие, едва заметные его отливы и оттенки, ощутительные более для самого народа, их сотворившего, нежели для чужеземца» [8]. При этом исследователь указывал на тот факт, что пословицы составляют род идиом, «кои входят в круг грамматики и словарей».

Большой интерес в плане сопоставления пословиц двух и более языков представляют рассуждения ученого об особенностях перевода пословиц. Так, уподобление искушенного человека русскому калачу, неизвестному иностранцам, которое мы видим в пословицах и поговорках (*Он — третий калач; Не терши, не явиши, не будет калач*), Снегирёв относит к национальной специфике, полагая, что буквальный перевод таких пословиц не только будет непонятным иностранцу, но выйдет «пошлым выражением и оборотом или бессмыслицей и загадкой» [9]. Он приводит убедительные примеры невозможности буквального перевода многих пословиц. Так, чешская пословица «Велели ему три короля написать» несет на себе печать национальной специфики, так как относится к обычаю католиков накануне Богоявления писать на дверях имена трех королей, пришедших поклониться родившемуся Христу. Не зная этого, перевести данную пословицу на другой язык невозможно.

Нельзя не отметить созвучие мыслей И.М.Снегирёва идеям В. фон Гумбольдта. Так, мысль о том, что не только человек творит язык, но и язык является «орудием мыслей и чувств народа», отражена во многих высказываниях русского филолога, например в следующем: «Они (пословицы), имея внутреннюю силу и изображая собою дух языка вместе и народа, утверждают самобытность слов и самородность выражений своим употреблением, которое есть самовластный правитель над словами» [10]. Исследователь приводит целый ряд уникальных примеров перефразирования и рождения пословиц под пером выдающихся русских писателей. У И.А.Крылова старая поговорка *Попался как кур во щи* выражена *Попался как ворона в суп* (ср. также: «У сильного всегда бессильный виноват», «Услужливый дурак опаснее врага», «А ларчик просто открывался»). Народными сделались выражения, вышедшие из-под пера П.П.Сумарокова: «Коль слушать все людские речи, придется и осла взвалить на плечи»; Г.Р.Державина: «Веселье то лишь непорочно, раскаянья за коим нет», «Не льстись горами золотыми и будущему дню не верь»; А.Ф.Мерзлякова: «Все други, все приятели до черного лишь дня». «Вновь придуманные пословицы вводятся в употребление общим безмолвным согласием, утверждают судом народным и правом давности на бессрочное время» [11]. Ценным представляется заключение Снегирёва о том, что риторы относят пословицы к дидактическим сочинениям, а историки причисляют их к своим материалам. Историческим пословицам он посвящает целую главу, выделяя среди них хронологические и топографические. «Многие народы в притчах и поговорках сохраняли достопамятные происшествия истории своей, как живую летопись...» [12].

Источниками русских пословиц ученый считает: 1) опыты жизни семейной и общественной; 2) исторические события и лица; 3) старинные решения и

приговоры на мирских сходках и вечях, а также судебные обычаи; 4) изречения из Священного Писания и Божественной службы; 5) заимствование из чтения иностранных или отечественных писателей или обращения с иностранными народами; 6) острые ответы и шутки, сделавшиеся общими [13].

Говоря об универсальном значении пословиц, Снегирёв пишет: «По тому самому сделались сии изречения важными для истории ума человеческого, ибо в них отсвечивается внутренняя жизнь народа, отличительные его свойства и господствующие в нём мнения, тесно соединяется настоящее с прошлым и будущим, семейный его быт с народностью, а народность с человечеством. Они делаются общими по тому закону, по коему в человечестве всё истинное, высокое и благородное не остаётся в тесных пределах, но, исторгаясь из них, распространяется, сообщается другим и увековечивается в современных и грядущих поколениях вместе с нравами и обычаями» [14].

Для русской паремиологии наблюдения, примеры, выводы и идеи И.М.Снегирёва являются сегодня очень ценными, а его труд «Русские в своих пословицах» служит такой же отправной точкой для

дальнейшего развития паремиологии, какой явился основополагающий труд В. фон Гумбольдта для развития общего языкознания [15].

1. Снегирев И.М. Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорах // Снегирев И.М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. Нижний Новгород, 1996. С.201-202.
2. Там же. С.202.
3. Там же. С.203.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же. С.213.
7. Там же. С.225.
8. Там же. С.216.
9. Там же. С.218.
10. Там же. С.220.
11. Там же. С.224.
12. Там же. С.152.
13. Там же. С.156.
14. Там же. С.151.
15. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт Вильгельм фон. Избр. тр. по языкознанию. М., 1984. С.7-298.